

Воспоминания Кедыса Леонида Николаевича // Афганистан горит в моей душе : сотрудники, ветераны органов внутренних дел и внутренних войск Витебской области – воины-интернационалисты / сост. : А.И. Семенихин, Г.А. Косоруков, А.К. Козючиц. — Витебск : Витеб. обл. тип., 2014. — С. 33—35.

Старший участковый инспектор милиции Толочинского РОВД майор милиции Кедыс Леонид Николаевич до службы в органах внутренних дел два года находился в Демократической Республике Афганистан, выполняя свой воинский и интернациональный долг. На перевале Саланг горячее дыхание войны коснулось и его. Не раз пришлось смотреть смерти в глаза. За ратную службу награжден орденом Красной Звезды.

«После окончания Новосибирского высшего военно-политического училища, — рассказывает Леонид, — меня направили для прохождения службы в Литву. В училище все преподаватели и командиры прошли через горячие точки в Афганистане. Молодой лейтенант, движимый высокими патриотическими чувствами, неоднократно подавал рапорты о направлении его туда. Немаловажное значение для такого выбора пути имела стажировка в горно-стрелковом полку близ озера Иссык-Куль в Киргизии. Рапорт удовлетворили, и он попал на знаменитый перевал Саланг. Построенный еще в 1964 году в горах Гиндукуша тоннель Саланг находился на высоте почти четыре тысячи метров выше уровня моря и долгое время являлся самым высокогорным автодорожным тоннелем в мире. Через него прошло большинство советских воинских частей в Афганистан. Он имел большое стратегическое значение для наших войск, соединял дорогой Союз с Афганистаном. Службу пришлось нести замполитом 9-й горнострелковой роты 3-го горнострелкового батальона 117-го мотострелкового полка 108-й Невельской Краснознаменной мотострелковой дивизии, известной славным боевым путем еще в годы Великой Отечественной войны. В батальоне повстречал и своих земляков из Толочинщины — Михаила Новикова и Ивана Полубинского».

В роте вначале служили преимущественно солдаты из Средней Азии и Кавказа, с которыми были определенные трудности, хотя и советские люди, но со своими национальными особенностями и традициями. А их необходимо было учитывать, иначе не найдешь общего языка. Лишь потом стали прибывать военнослужащие из других регионов нашей страны. Молодой офицер нес службу наравне со всеми солдатами в условиях высокогорной местности. За плечами 40 кг груза, который включал в себя вооружение, боеприпасы, паек — и пешком по горам. Приходилось и минировать местность, чтобы не подпустить душманов к своим позициям, и разминировать вражеские мины. Стремился к тому, чтобы воины осваивали смежные специальности и могли заменить друг друга в боевых условиях. А это было крайне необходимо, ведь солдаты выходили из строя, кто из-за болезни, а кто из-за ранений или гибели. На роту возлагалась боевая задача охранять тоннель от бандформирований душманов.

В Панджерском ущелье им противостояли банды небезызвестного полевого командира Ахмад Шах Масуда, который когда-то учился в советском военном училище, даже вместе с их командиром дивизии. Враг был хитер и коварен, минировал дороги, устраивал засады и нападал на колонны наших автомашин, везших грузы: боеприпасы, провиант, горючее.

Но наши бойцы научились с ним воевать. Использовали их же методы. Устраивали засады, минировали те места, где могут появиться душманы. О предполагаемых диверсиях нашим солдатам нередко сообщали местные жители. Информация поступала в обмен на одежду и

продукты питания. Отношения с местным населением были весьма своеобразными. Они жили как в раннем средневековье, несмотря на то, что подходил к исходу двадцатый век. Мужчины из местных кишлаков нередко состояли в душманских бандах. Поэтому местное население владело информацией, где и когда будет та или иная диверсия, и зачастую ею и торговало. Восток он и есть Восток, здесь торговля занимает почетное место, а торгуют чем бог пошлет. Покупали мы у местных жителей фрукты и овощи. Причем использовался бартер. У них в ходу были наши солдатские шинели.

«Душманы тоже собирали сведения на нас. Родственные связи у них обширные, и информацией они владели отлично. Приходилось не раз отражать их нападения, вступать в боестолкновения. Необходимо было быть всегда начеку. Даже, кажется, вроде доброжелательно относились к нам местные жители, но от них всегда ждали подвоха. А наши большей частью гибли от беспечности, невнимательности. Именно там я познал цену человеческой жизни и как надо ее беречь, — вспоминает Леонид Николаевич. — В подземных ходах, вырытых местными жителями, нередко находили иностранное оружие, боеприпасы, бытовую технику. Снабжали их многие страны, и арабские, и западные, даже китайские автоматы были.

К нам тоже приходило новое качественное оружие, мы его испытывали в бою на прочность. А душманам платили за уничтожение нашей техники немалые деньги, и они старались их заработать. Ведь за каждый подбитый танк, автомашину или самолет заплатят столько, что он не заработает за целый год тяжелого труда.

Так прошли два года службы, полные невзгод и лишений. Война — страшное дело. Пришлось увидеть смерть своих товарищей. Но перенесли, никто не струсил, не предал. Не было перебежчиков. Это потом в отдельных средствах массовой информации стали охаивать воинов-интернационалистов, говоря, что те сдавались в плен и принимали ислам. Может, такие отдельные случаи и были, но я не встречал. Мы честно выполнили свой долг перед Родиной. Мне крупно повезло — лихо обошло меня стороной. За участие в операциях по обезвреживанию врага был награжден орденом Красной Звезды. Следует сказать, что это боевая награда, она не приурочена к юбилеям и просто так не дается.

Вернулся я в Советский Союз в период его распада. Армия сокращалась. Попал под сокращение и я. С Дальнего Востока прибыл в Толочин, где родился и вырос. Пошел служить в милицию. Службу закончил старшим участковым инспектором в звании майора милиции. Со своими однополчанами поддерживаю связь по интернету. В прошлом году встречался с ними 9 мая в Москве на Поклонной горе. И хотя прошло уже больше 25 лет, как вернулся с той войны, но душа до сих пор болит...»